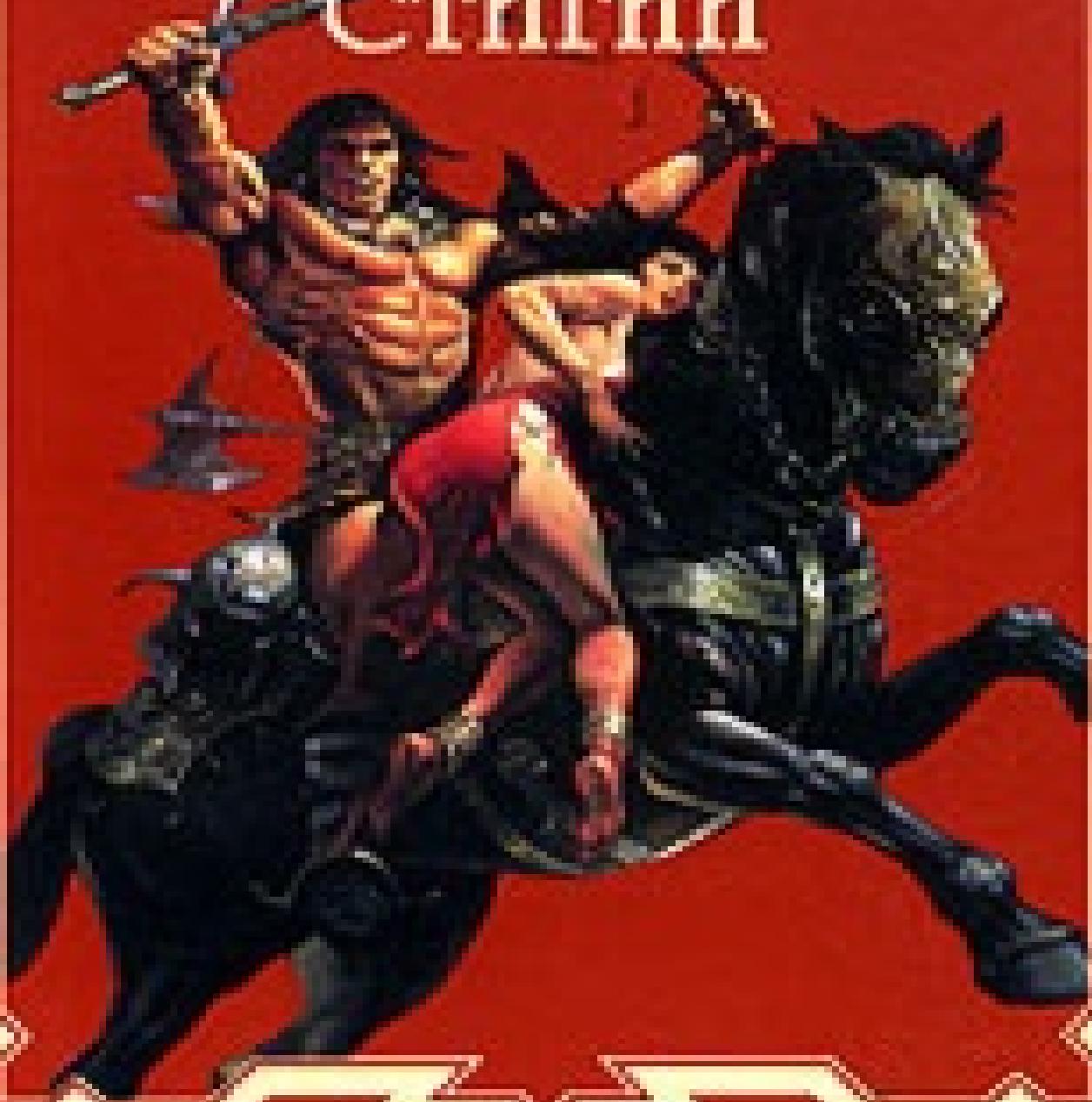

Библиотека
Стивена Кинга

КОНАН И АВВЫ СТИГНИ

Annotation

Тарантию обуял ужас. Погребенные люди встают из своих могил, ведёт их мертвец ищущий своего убийцу. И только Королю Конану по силам разобраться во всем этом!

«Северо-Запад Пресс», «ACT», 2005, том 105 «Конан и львы Стигии»
Дуглас Брайан. Беспокойные мертвецы (повесть/рассказ), стр. 5-65

-
- [Дуглас Брайан](#)
-

◦

Дуглас Брайан

Беспокойные мертвецы

Всем известно, что его величество король Аквилонии Конан ненавидит всякого рода магию. Какие-нибудь целительницы-травницы, которые умеют ставить припарки и лечат простуду травяными настоями, — еще куда ни шло, но заклинания, вызывание духов и прочее каралось у него быстро и беспощадно. Поэтому судья Геторикс некоторое время колебался, прежде чем обратиться к королю за советом.

Геторикс, молодой мужчина с густыми светлыми волосами и аккуратно подстриженной бородой, был назначен судьей всего полгода назад и рассматривал это как большую честь для себя. Перед Конаном он робел, что, впрочем, было естественно: король многим внушал трепет своей массивной мускулистой фигурой, копной черных волос и пронзительными синими глазами. Это был человек, много переживший, многое повидавший, по-своему справедливый и в иных случаях весьма скорый на расправу. Он был гневлив и в гневе необуздан и страшен; однако тот же Конан умел быть внимательным и серьезным.

Геторикс вошел в зал приемов и поклонился, не доходя десяти шагов до трона, на котором восседал король.

— Говори, — велел Конан. По голосу его величества Геторикс понял, что король утомлен.

— Я в затруднении, — начал судья, — и боюсь вынести несправедливый приговор. А поскольку все смертные приговоры в Аквилонии выносятся именем вашего величества...

— Я знаю. К делу, — перебил Конан. — Не отнимай у меня лишнего времени.

— Прошу прощения. — Геторикс поклонился и отступил на шаг. — Один человек, поданный вашего величества, житель Тарантии по имени Грумент обвиняет некую женщину по имени Корацеция в том, что она колдовством извела его отца, почтенного жителя Тарантии по имени Грумент-старший.

Геторикс задохнулся и замолчал. Слишком много имен, сведений и эмоций вложил он в эту длинную фразу.

Король сдвинул густые брови, обдумывая услышанное. Затем заговорил:

— Грумент говорит, будто Корацеция извела его отца колдовством?

— Именно так, ваше величество, — поклонился Геторикс. — Ваше величество абсолютно правильно понимает суть проблемы.

— Не вижу никакой проблемы, — болезненно поморщился король. — И не вижу, — продолжал он, повышая голос, — причин беспокоить меня подобной ерундой! Если Корацеция — ведьма, то ее нужно сжечь! В Аквилонии все смертные приговоры отдаются от имени моего величества, как ты справедливо заметил, почтенный Геторикс. Пусть твоя совесть будет чиста. От имени моего величества ты можешь сжечь эту Корацецию на костре или утопить ее в мешке с живыми кошками — как тебе захочется. Потому что ведьме нечего делать в Тарантии.

— В том-то и проблема, — Геторикс отступил еще на шаг, опасаясь королевского гнева (и не без оснований, насколько он знал по рассказам других).

— В чем? — Конан чуть приподнялся на троне.

— Корацеция наотрез отказывается признавать свою вину.

— Естественно! — фыркнул Конан. — Она ведь тряслась за свою шкуру.

— Нет, господин. Она утверждает, что невиновна. Что ей лучше умереть, чем признаться в преступлении, которое она не совершила.

— Вот как? — Конан поднял брови. — Есть ли причина?

— Да, ваше величество. У Корацезии есть маленькая дочь.

— И нет мужа? — проницательно добавил король.

— Именно! Ваше величество глубоко проникает в суть вопроса.

— Не вижу вопроса, — фыркнул Конан. — Все ведьмы рано или поздно обзаводятся дочками, которые никогда не знают, кто их отец.

— В данном случае все обстоит немного по-другому, ваше величество. У Корацезии был супруг, но он умер в прошлом году, — возразил Геторикс. — И женщина не хочет, чтобы ее репутация ведьмы погубила жизнь маленькой дочери. Понятное дело, если Корацезия будет осуждена как колдунья, то ее дочери в дальнейшем придется очень несладко. Она будет вынуждена либо избрать это предосудительное ремесло и поступить в ученицы к какой-нибудь бабке...

— Сомневаюсь, чтобы ей удалось сделать это в Тарантии, — перебил Конан.

— Именно, ваше величество. В противном случае, девочка-сирота окажется в конце концов на панели. Поэтому ее мать предпочитает не признаваться в наведении злых чар, которые и привели к прискорбной кончине господина Грумента-старшего.

— Гм, — сказал король.

— К ней применяли допрос с пристрастием, — продолжал Геторикс. — Но она продолжает отрицать свое участие в злом деле. Утверждает, что это наговор.

— Что именно она говорит? — поинтересовался король с деланно скучающим видом. История, которую путано, с лишними подробностями излагал ему недавно назначенный судья, против воли Конана начала его занимать. Ведьмы редко подолгу отрицали свою связь с темными силами.

Ведь они, в конце концов, гордятся тем, что злые могущественные духи избрали их, согласились вести с ними разговор и в конце концов начали совместно с ними творить на земле, среди людей свою волю! А не поделиться тем, что составляет гордость всей жизни человека, — практически невозможно. И наступает такой момент, когда схваченный властями колдун начинает похваляться своими преступлениями.

Корацезия же все отрицала. Даже под пытками, как утверждает Геторикс. И это Конан находил весьма странным.

— Корацезия — красивая женщина, — продолжал Геторикс. — Я не исключаю, что Грумент-младший мог заинтересоваться ею. Надо полагать, женщина отвергла притязания богатого наглеца — вот и мотив для оговора.

— Однако полностью отрицать возможность того, что колдовские чары были наведены, нельзя, — сказал Конан — Я не стану утверждать смертный приговор для Корацезии, пока не будут представлены убедительные доказательства ее вины. Кто нанял её, если только она действительно совершила то, в чем ее обвиняют? Не из любви же к искусству она околдовала Грумента-старшего! Для не совершенно безразлично, жив этот Грумент или мертв. От смерти старика выигрывал прежде сего его наследник. Не он ли — истинный виновник случившегося? Не он ли заплатил Корацезии, чтобы та применила злые чары?

— Мы проверяли этот вариант, — сказал Геторикс. — Но оба, и Грумент-младший, Корацезия, дружно отрицают сговор. Вряд ли Корацезия будет жертвовать собой ради Грумента.

— Она вообще отказывается признать тот факт, что она ведьма, — задумчиво молвил Конан. — Нет, я не стану утверждать смертный приговор. Нужно внимательнее рассмотреть все обстоятельства дела. Пусть женщина пока побудет в тюрьме. А ее дочь доставьте ко мне во дворец. Я не хочу, чтобы с ребенком что-нибудь случилось.

Геторикс поклонился и вышел. Аудиенция была окончена.

Девочку звали Цезония. Когда королевская стража явилась за ней, пятилетний ребенок забился под кровать и наотрез отказывался вылезать наружу, так что Геторикс в конце концов вынужден был встать на четвереньки и вытащить ее оттуда за ногу.

Все то время, пока Корацеция находилась в тюрьме — то есть, шесть дней кряду, — ребенок находился один в маленьком домике, что прятался в глубине переулка, как будто стиснутый с двух сторон более богатыми домами: справа — трехэтажным особняком Грумента, слева — массивным домом, принадлежащим купцу из Коринфии по имени Ильва. Кухарка Ильвы, сердобольная старуха, несколько раз заглядывала Цезонии и приносила ей фрукты и лепешки, больше никто пока не проявлял интереса к судьбе покинутого ребенка.

Водворяя Цезонию в королевском дворце, Геторикс еще раз подивился своему королю. У Конана хватило времени позаботиться о какой-то сироте, мать которой обвиняют в колдовстве! А ведь это должно было прийти в голову самому Геториксу. Увы, он слишком недолго находился на своем ответственном посту и слишком сосредоточился на самом деле, чтобы обращать внимание на «несущественные» мелочи.

Девочку поручили заботам дворцовых служанок. Те надарили ей глиняных лошадок с гривами из волос, выстриженных из хвостов настоящих лошадей, куколок с соломенными прическами, платьиц; а кроме того, обещали, что с ней повидается сам король. И еще — что скоро мама к ней непременно вернется.

Цезония, разряженная, с липкими от сладостей пальцами, молча играла в свои новые игрушки, а Конан стоял в дверях отведенной ей комнаты и наблюдал. Девочка выглядела совершенно нормальной. Немного растерянной, что вполне естественно в ее положении. Но никаких следов дурного обращения или черной магии. Конан знал, что ведьмы часто используют своих детей в магических ритуалах. Дети с их незамутненным, чистым сознанием нередко служат хорошим проводником при разговорах колдуна с подвластным тому духом. Такие дети, если они не находятся под воздействием чар, выглядят тупыми, как бы одурманенными, и почти не интересуются происходящим вокруг. Они пугливы, вздрагивают, если с ними заговорить, у них бледная кожа, черные круги под глазами; они не любят сладкое и вообще почти ничего не едят.

Цезония была другая. Обычный пятилетний ребенок, любопытный и прожорливый. Конан осторожно вышел из комнаты и прикрыл дверь.

— Следить за ней! — велел он служанке и двум рослым стражам королевского дворца. — Никто не должен пытаться проникнуть к ней! Никто не смеет забирать ее отсюда, даже под предлогом прогулки! Не верить никаким «приказам от короля» — если я захочу видеть ребенка или говорить с ним, я приду лично, а не пришлю посыльного! Ясно?

Безмолвный кивок был ему ответом.

Конан вернулся в свои личные покой и задумался. Что-то в этой истории не давало ему покоя. Что? Неизвестная ему молодая женщина, которая упорно продолжала отрицать свою вину? Брошенная на произвол судьбы пятилетняя девочка?

Нет, другое. Будучи королем, Конан мог исправить положение: он не позволил казнить мать, позаботился о дочери. Но где-то в его столице обитает злой колдун. От одной только мысли о том, что чародейство безнаказанно бродит по Тарантии, у Конана пропадали аппетит и сон.

В конце концов он велел позвать Натизона, своего придворного алхимика. Этот бодрый, довольно ехидный старикашка занимался преимущественно тем, что разрабатывал различные порошки от блох и тараканов, а также трудился над составами для укладки волос. Конан держал его во дворце уже несколько лет. Так некоторые владыки кормят и ласкают забавных маленьких зверьков — обезьянок, хорьков, — которые больше развлекают их, нежели приносят реальную пользу.

Натизон был по-своему предан его величеству. Он явился в Тарантию откуда-то с востока — старик сам не мог в точности назвать свою родину и утверждал, что практиковал в Кхитае, Вендии, Офире и даже Стигии (Конан подозревал, что все это чистейшее вранье). Стариk был жалок и нищ; в первый же день попался на мелкой краже и был ввергнут в тюрьму, где долго прикидывался умалишенным. В конце концов, слухи о безумном алхимике дошли до Конана, а король, который время от времени начинал интересоваться разными диковинами, соизволил посетить Натизона.

Старый жулик поправился королю. Конан почувствовал в нем родственную душу. Неунывающий алхимик перестал ломать комедию и сообщил королю, что умеет составлять различные препараты. Например, чесоточный порошок. Если посыпать им человека, тот будет чесаться не переставая, — отличный способ отомстить неприятелю, не подвергая его серьезной беде. Человек, который постоянно скребет ногтями у себя подмышкой, смешон, а репутация его будет навек погублена!

Конан рассмеялся и велел освободить Натизона. С тех пор потешный алхимик и создавал при дворе свои волшебные снадобья. Некоторые были полезны — например, микстура от кашля.

Но теперь Конану требовалась куда более серьезная консультация.

Натизон явился на зов своего короля так быстро, как только смог. Он приковылял на высохших, похожих на палки кривых ногах, с достоинством расправил широченную бархатную мантию и поклонился, взмахнув в воздухе длинными редкими седыми волосами, которые тщательно расчесывал и украшал лентами и жемчужными нитками.

— Садись, Натизон, — махнул ему Конан. — Скажи мне вот что. Ты настоящий алхимик или просто шарлатан?

Натизон оскорбился. Его борода встала дыбом, бесцветные глаза выпучились, ноздри хрящеватого носа широко раздулись.

— Неужели у вашего величества не было случая убедиться в том, что мое искусство, отточенное многолетней практикой...

— Да, да, — нетерпеливо перебил Конан, — я знаю, что ты способен смешивать порошки и делать мази от ревматизма.

— Мой господин король никогда прежде не спрашивал, шарлатан ли я, — продолжал пыхтеть возмущенный стариk.

— Просто раньше мне было все равно, — объяснил Конан. — Ты хороший человек и разбираешься в своем деле, а большего не требуется. Но сейчас вопрос гораздо сложнее. Сможешь ли ты определить, был ли данный человек изведен при помощи порчи, или же его кончина последовала от естественных причин? Только не обманывай. Если не можешь — так и скажи. Клянусь, это никак не отразится на твоем положении при моем дворе.

Старикашка пошамкал губами, поразмыслил, поглядывая на Конана исподлобья — лукаво и вместе с тем задумчиво.

Наконец он выговорил:

— Я мог бы попробовать. Мы ничего не теряем, ваше величество. Если я увижу, что ничего в этом не понимаю, то так и скажу. Но если я паче чаяния разберусь в деле... то что мне за это будет?

— То же, что и всегда, — сказал Конан, забавляясь. — Сытный стол, красивая одежда, прислуга и возможность заниматься любимым делом.

— Ладно, — сдался старик. — Я попробую. Где этот покойник?

— В семейном склепе, надо полагать. Это Грумент-старший. Не слышал о таком? Натизон замотал головой.

— Никогда в жизни. Я прихвачу с собой траву-лиходейку. В толченом и высушенном виде эта трава входит в состав порошка, из которого колдуны делают мазь для ночных полетов. — Выговорив это, Натизон смутился. — То есть, я хочу сказать, что слыхал об этом от одной старухи. Еще давно, в Стигии. Или в Кхитае — сейчас не помню.

— Мне безразлично, где ты это слыхал, — заявил король. — Меня интересует одно: сработает ли твое зелье.

Сразу успокоившись, Натизон заговорил деловито:

— Понимаете ли, ваше величество, если взять траву-лиходейку и поднести ее к трупу человека, изведенного порчей, она даст знать. Она узнает своих собратьев по злому колдовству и подаст голос. Вот так. — И старик несколько раз тонко вскрикнул, как будто его кололи иголкой. Затем победоносно посмотрел на Конана.

Конан с большим трудом сохранял невозмутимость. Ему хотелось рассмеяться, несмотря на всю серьезность ситуации.

— Ладно, иди готовься, — сказал король. — Я буду ждать тебя в кордегардии. И оденься попроще — в дорожный плащ и сапоги.

* * *

Семейный склеп семейства Грументов находился на окраине Тарантии, где погребали самых знатных и богатых граждан города. За пределами города хоронили тех, кому и при жизни не улыбалась удача. Могилы бедняков в конце концов поглощала земля — они зачастую оставались безымянными холмиками, едва различимыми на поверхности. Другое дело — погребения богачей. Грументы возвели для своих мертвцев настоящий дворец — правда, небольшой, но вместительный. Внутри было достаточно места для могил, скамей и столов для поминальных трапез.

На стенах даже имелись заранее заготовленные факелы.

— Настоящая крепость! — фыркнул старик алхимик. — Как мы войдем сюда, ваше величество? Дверь-то заперта?

— А мы попробуем открыть, — ответил Конан и вытащил из-под своего плаща ломик. Являя известную сноровку, он взломал замок и толкнул дверь ногой. Она со скрипом отворилась. — Прошу! — Король театрально взмахнул рукой, приглашая алхимика войти.

Натизон посмотрел на своего короля с восхищением.

— Стало быть, это правда — то, что про вас говорят, — вымолвил он.

— Про меня много что говорят, — строго ответствовал Конан.

— Ну, некоторые воры болтали, будто ваше величество — такой же взломщик, как они сами. Только вашему величеству повезло, а им нет.

— Это ты в тюрьме наслушался? — сказал Конан. — Мало ли что будут говорить забулдыги и жулики, которых сцепала моя стражка!

— Конечно, конечно, — пробормотал Натизон, но хитрая улыбочка, появившаяся на лице

старика говорила совсем об обратном.

Вдвоем они вошли в склеп, и Конан зажег факелы. Натизон испугался:

— Вдруг нас здесь увидят?

— Пусть видят, — небрежно отмахнулся король. — Я имею право входить куда угодно. Я — король. И если мне захотелось навестить усопшего Грумента — кстати, законопослушного и добропорядочного господина! — то я в своей власти.

— Так-то оно так, но слухи пойдут... — вздохнул старик.

— Приступай к делу, — велел Конан. — Нужно выкапывать труп, или ты обойдешься надгробием?

— Пока обойдусь надгробием, — сказал Натизон, поежившись. — Не люблю я трупы.

— От тебя не требуется, чтобы ты кого-то там любил, — серьезно заявил Конан. — Просто поднеси траву. Давай.

И король решительно скрестил на груди руки.

Натизон пробормотал несколько молитв, обращенных к разным милосердным божествам, после попросил прощения у бедного Грумента, чей прах он намерен потревожить, и вытащил из-за пазухи корень травы-лиходейки. Этот корень представлял собой странную фигурку, похожую на гротескного человечка, у которого вместо волос растет на голове трава. Ротик человечка был раскрыт, глазки сощурены, ручки растопырены.

— Это трава-мужчина, — объявил Натизон, поднося корешок к глазам Конана и показывая крошечный отросток между «ног» корешка. — Бывают еще женские травки, но они менее сговорчивы. Более лживы.

— Можешь ничего не объяснять, — отмахнулся Конан, отворачиваясь от корешка. — Меня мало занимают подробности алхимических процессов.

— Это не алхимия, — опять надулся старик. — Алхимия есть строгая паука. В алхимии всегда известно, что из чего получится. А это...

Он замолчал, видя, что лицо короля приняло угрожающее выражение, и поднес корешок к свежему надгробию, под которым покоился прах несчастного Грумента-старшего. Поначалу ничего не происходило. А потом из глубины гробницы послышалось тончайшее пение, и фигурка-корешок шевельнулась в руках алхимики. Раздался тот самый тонкий писк, который Натизон пытался имитировать в покоях королевского дворца. Только звук этот был куда более пронзительным. Он проникал в самый мозг и терзал его. Конан зажал ладонями уши.

— Я больше не могу выносить этого! — закричал он. — Уходим отсюда!

— Я не могу оставить корешок, — возразил Натизон.

— Делай, что должен, и убираемся, — повторил Конан. — Я знаю все, что хотел узнать.

Он погасил факел и решительно вышел из склепа.

— Подождите, ваше величество, — старик засеменил следом. — Не бросайте меня здесь одного! Я боюсь!

Конан остановился.

— Закрой дверь, — приказал он, — и иди сюда. Что ты должен сделать с корешком?

— Я верну его в землю, — пробормотал старик. — Прямо здесь, возле склепа. Пусть поет и переговаривается с той лиходейкой, что извела Грумента. Им будет, о чем поболтать, пока не наступит осень и корни не скниют в земле.

Несколько следующих дней его величество был занят другими делами: прибыли знатные лорды из Немедии, и Конан приятно провел с ними время на охоте и в пирах. Девочка Цезония по-прежнему жила во дворце и не доставляла никаких неудобств ни нянькам, ни своим охранникам. Это был кроткий ребенок, рано узнавший горе и умеющий быть благодарным. Две служанки, приставленные к дочке арестованной «ведьмы», не могли нарадоваться на дитя. Если бы Конан спросил их мнение, они захлебывались бы от похвал. Но Конан, как назло, ни о чем не спрашивал.

Больше других страдал от королевского невнимания судья Геторикс. У него появились новые обстоятельства, однако принимать решение без короля — коль скоро тот вмешался в дело — он не осмеливался.

Наконец Геторикс перехватил Конана в коридорах дворца. Король, навеселе, с олеиной ляжкой в одной руке и кубком в другой, шел с каким-то рослым человеком — судя по всему, одним из киммерийских посланников, — и громко хохотал.

Геторикс вырос перед ними, как бледная тень, жаждущая отмщения. Конан остановился. Лицо его приняло недовольное выражение. Что до его спутника, то тот удивленно поднял брови и скорчил гримасу.

— Что? — отрывисто спросил король у судьи.

— Прошу прощения, ваше величество, — пролепетал Геторикс, чувствуя себя крайне глупо. Нельзя так робеть перед королем! Тем более перед таким королем, как Конан.

— Ну, — Конан махнул олеиной ляжкой. — Я слушаю! Говори, раз уж подстерег меня здесь.

— В доме Корацезии... Той женщины... — Он не решился произносить слово «колдунья» при чужих людях, тем более при послах. — Мы еще раз обыскали дом.

— Что вы там нашли? — спросил Конан.

— Одну вещь. Она подтверждает обвинение. Конан оценил деликатность Геторикса, который продолжал излагать дело иносказаниями.

— Я хочу, чтобы эту вещь принесли в мои покои. Будь там же. И распорядись, чтобы явился Натизон. Ближе к полуночи встретимся там. Надеюсь, твоя жена не против того, что ты занимаешься работой далеко за полночь?

Отпустив последнюю шутку (Конан прекрасно знал, что Геторикс до сих пор не женат), аквилонский король удалился вместе со своими гостями.

Настроение у него было испорчено, хотя он этого и не показывал. Ближе к полуночи король, изрядно пьяный, но все еще с ясной головой, вломился в собственные покои, едва не снеся по дороге двери. Натизон сидел в любимом кресле короля, положив ноги на стол и лениво разглядывая разные безделушки, украшавшие королевскую спальню. Геторикс при виде короля вскочил и поклонился.

Конан небрежно махнул рукой и повалился на свою кровать, которая протестующе скрипнула под тяжестью его тела.

— Что там у вас? — осведомился киммериец. — Показывайте!

— Амулет, ваше величество, — Геторикс протянул королю маленькую золотую вещицу, представлявшую собой несколько переплетенных колец с рубиновым «глазком» в центре.

— Может, это от дурного глаза, — отмахнулся Конан. — Глупость, конечно, но безвредная.

— Нет, это не глупость, а гадость, — заявил Натизон, убирая ноги со стола. — Я посмотрел.

— А, мой знаток черных магических искусств, по совместительству мелкий воришко... — подал голос король, простертый на кровати. — Кстати, любезный Натизон, у тебя почему-то оттопыривается халат на груди. Что ты сунул за пазуху?

Натизон побагровел.

— Ничего. Неужели ваше величество опустится до того, чтобы подозревать своего верного, преданного...

Конан, захочтав, одним прыжком вскочил с кровати и схватил хрупкого старика в охапку. Никто не успел и слова вымолвить, как король уже перевернул Натизона вниз головой и потряс. На пол посыпались золотые флакончики для духов, браслеты, массивные золотые кольца и вазочки из серебра с эмалью изумительной работы.

Затем король поставил старика на ноги.

— Подбери и поставь на место, — велел он, снова отправляясь к постели. — Глупый старикаш! Вздумал надуть своего короля!

— Это привычка, — забормотал, оправдываясь, старик. — Я не могу иначе. Я ведь никому не приношу вреда.

— Кроме себя самого, — фыркнул Конан и заложил руки за голову. — Рассказывай про амулет.

— Опасная вещица. Ею пользуются для того, чтобы сосредоточиться и войти в мир злых духов.

— Откуда ты знаешь?

— Видел как-то раз. У одного мага. Ах, король, неужели ты не веришь своему верному Натизону? — Старик возмущенно затряс головой. — Я знаю, что говорю. Эта вещь нужна для того, чтобы связываться с демонским миром!

— Верю, — вздохнул Конан. — И все-таки что-то здесь не сходится. Казнить эту Корацезию мы всегда успеем. Никуда она из темницы не денется.

— А если она действительно ведьма? — подал голос Геторикс. — Если она собирается с силами и удерет?

— Ее никто ни разу не навестил. Никто не поинтересовался ее судьбой. И будь она сильна, она давно бы удрала, еще до того, как ее подвергли допросу с пристрастием. Нет, друзья мои, мы не будем выносить поспешных решений. — Произнося сию мудрую фразу, его величество громко рыгнул. — Боги, как я хочу спать... Убирайтесь вон со своими важными проблемами! Убирайтесь, господа! Ваш король будет отдыхать! Никого пока казнить не будем! К амулету приставить охрану... Или знаете что? Поместите амулет в комнату, где содержат девочку... Посмотрим, как они отреагируют друг на друга... И охране скажите...

Затем раздался громкий королевский храп. Судья его величества и придворный алхимик его величества покинули опочивальню.

* * *

Господин Грумент-младший, законный наследник Грумента-старшего, вот уже несколько дней испытывал странное беспокойство. Как будто некто не сводит с него пристального взгляда. Кто этот некто? Где он скрывается? Нечто подобное, насколько слышал Грумент, бывает при магической слежке. Невидимый взор, устремленный на жертву через кристалл ясновидения, вызывает такие ощущения. Грумент лихорадочно соображал: кому из магов он мог насолить в достаточной степени?

На ум ничего толкового не приходило. Да и с магами он в контакт практически не входил. Тот единственный уже стар и немощен. Да и смысла ему никакого нет подглядывать за Грументом. Грумент его всяко не обидел.

Но ощущение всевидящего ока, устремленного на него, не проходило, и наследник покойного Грумента-старшего терял сон и аппетит.

А человек в сером капюшоне сидел на карнизе соседнего дома, заглядывал в окна Грумента особняка и ухмылялся сам себе.

* * *

Соглядатая Грумент обнаружил к исходу второго дня слежки и похолодел. Кто мог нанять этого широкоплечего гиганта? Кому выгодно? Неужели у глупой Корацезии есть любовник? Нет, это невозможно. Всем известно, что Корацезия добродетельна и до сих пор хранит траур по почившему супругу. Друзей у нее тоже нет — она в Тарантии недавно.

И все-таки некто заподозрил нечто и нанял шпиона.

Грумент усмехнулся, разглядывая себя в зеркало. Он часто рассматривал свое отражение, словно пытался увидеть в облике тридцатилетнего упитанного мужчины с рыжеватой бородкой и выпученными серыми глазами нечто особенное, нечто такое, что отличало бы его от прочих смертных и возносило над ними.

— Хорошо же! — произнес он вслух, с удовольствием глядя на то, как шевелятся пухлые губы, отраженные в зеркале. — Если он следит за мной, то ему придется за это ответить! Я не стану разбираться, кто нанял шпиона и для какой цели это сделано. Мне недосуг заниматься такими вещами, когда имеются дела поважнее.

* * *

Конан ожидал чего-то подобного и потому не удивился, когда в переулке, ведущем к домам Грумента и Корацезии, столкнулся с тремя безмолвными фигурами в черном. Они отделились от стены и молча направились к королю. Естественно, его величество не удосужился сделать свои шпионские приключения достоянием общественности, а убийцам и в голову не пришло, что они имеют дело с королем. Если бы они хотя бы заподозрили, что докучливый соглядатай, не спускающий глаз с их нанимателя, — сам король Конан, они ни за что не взялись бы за эту работу. Более того, они бежали бы из Тарантии и долго не показывались бы в столице из опасения, что король доберется до них и, не снисходя до судебного разбирательства, попросту свернет им шею.

Но ничего этого люди в черных плащах не знали. Уверенные в своем превосходстве, они закружили вокруг жертвы, нащупывая под одеждой длинные кривые кинжалы. Завтра в переулке найдут еще один безымянный труп с перерезанным горлом — вот и все. Одет этот бродяга так, что сомнений нет: состоятельных друзей или родственников в Тарантии у него не имеется. И руки у него не белые, не гладкие — исчерченные шрамами, мозолистые руки бойца, что также говорит о незнанном происхождении.

Нет, опасаться нечего. Конечно, он окажет сопротивление. Но он один против троих. Никаких сомнений в том, кто победит.

У Конана, впрочем, тоже никаких сомнений а этот счет не водилось.

Первый убийца метнулся вперед. Плащ его взлетел за плечами, как темные крылья летучей мыши. Конан оскалился под серым капюшоном. Он сделал едва заметное движение, переместившись в сторону и выкинув вперед руку с ножом. Никто не успел ничего понять — убийца вдруг резко остановился, как будто налетел на невидимую преграду, громко, гортанно вскрикнул, схватился руками за бок и рухнул на мостовую. Двое остальных отскочили в стороны.

В переулке было тесно, и Конан поспешил воспользоваться этим преимуществом. Он приился к стене дома Коратезии и несколько раз взмахнул кинжалом так, чтобы отогнать убийц хотя бы на несколько мгновений. И когда они отпрыгнули, киммериец быстро, как кошка, вскарабкался на карниз второго этажа.

Его преследователи переглянулись, очевидно, оплаченные этим маневром своей «жертвы». Затем один из них полез за Конаном. Разумеется, было ошибкой, в чем не сомневался ни король, ни наемный убийца. Но деньги от заказчика получены, и соглядатай не должен уйти отсюда живым. К тому же смерть одного из троих разъярила убийц. Прежде им не доводилось встречать столь яростного отпора.

Конан с усмешкой наблюдал за неловкими движениями своего соперника. Он не собирался мешать ему — пусть лезет. Здесь, на карнизе, шансов у бедняги попросту не будет. Киммериец прижался спиной к стене, на мгновение как будто растворившись в ней — серый плащ на фоне серого камня — а потом неожиданно нанес нападающему сильный удар ножом по голове.

С пронзительным криком тот повалился на мостовую, и когда сообщник подбежал к нему, его товарищ был уже мертв: при неудачном падении он сломал себе шею.

Последний из троих поднял голову и посмотрел на Конана, стоявшего на карнизе. Конан видел в бледном лице городского убийцы страх и ненависть. Эти два чувства боролись в груди наемника.

— Для тебя было бы лучше сдаться, — сказал ему Конан почти дружески.

— Будь ты проклят! — вскричал наемник, размахивая кинжалом. — Спускайся и покажи на твердой земле, какой ты боец!

— Не пожалей потом! — сказал Конан, спрыгивая с карниза прямо ему на голову.

Они повалились вдвоем на мостовую и покатились по камням, норовя пырнуть друг друга кинжалом. Наконец король, более массивный и сильный, оказался сверху. Он прижал руки своего врага к земле и уселся ему на живот. Наемник захрипел, дергаясь всем телом в бессильной попытке освободиться.

— Тихо, тихо, — сказал ему Конан. — Иначе мне придется перерезать тебе горло.

— Тогда ты... должен будешь... разжать одну руку... — просипел поверженный негодяй. — И я освобожусь.

— Я удержу тебя и одной рукой, — заверил его Конан. — Лучше отвечай: кто нанял тебя?

И король улыбнулся. При виде этой улыбки наемник застонал, из глаз его покатились слезы. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким униженным. Ему доводилось и проваливать дело, и бежать с поля боя, и бросать умирающих товарищев. Но никогда еще тот, кто был намечен в жертву, не сидел у него на животе и не улыбался так уверенно и весело.

— Лучше расскажи мне все как есть, дружок, — посоветовал Конан. — Иначе ты горько пожалеешь.

— Я уже... горько жалею... — всхлипнул наемник. Он был сломлен.

— О чувствах — потом. Сперва о деле. Кто?

— Грумент... — выговорил наемный убийца. — Теперь я вне закона... Ты вынудил меня...

— Да ты и без того был вне закона, — «утешил» его Конан.

— Наемник, который выдает своего нанимателя... навек вне закона... среди своих.

— Тебе недолго ходить среди своих, — сказал Конан. — Позволь представиться: я — Конан

из Киммерии, король Аквилонский. Моим именем я арестовываю тебя, дружище, и препровождаю в тюрьму. Попробуй только дернуться, и нож будет торчать у тебя в спине. Ты понял?

От ужаса наемный убийца оцепенел. Он не мог произнести ни слова. И даже веки его застыли, отказываясь моргать. Сам король Конан! Не королевская власть страшила негодяя — та несокрушимая мощь, которой, по слухам, обладал киммериец. Этот человек сам по себе подобен тарану и может один заменить целую армию. И теперь наемник имел несчастье убедиться в этом на собственной шкуре.

— Ну, ты все понял? — нетерпеливо повторил король. — Дай мне знак!

— Я... понял... — прохрипел наконец убийца. — Я... не побегу... подчиняюсь... мой король.

— Вот и хорошо. — Конан вскочил, освобождая наемника и наблюдая за тем, как тот со стенами корчится на земле.

Наконец ему удалось подняться на ноги. Спотыкаясь и поминутно вздрагивая, он побрел вместе с Конаном в сторону королевского дворца, где в подвалах тюрьмы ждала решения своей участи женщина по имени Корацезия.

Нового узника заперли в соседней камере.

* * *

Слежка за домом Грумента прекратилась. Правда, наемники почему-то до сих пор не приходили за обещанной второй половиной платы, но Грумента это не особенно беспокоило. Они еще явятся. Возможно, боятся, что их увидит городская стража, и затаились на время в каком-нибудь логове. Главное, исчез соглядатай в сером капюшоне, а это яснее ясного говорило о том, что поручение выполнено и неведомый шпион убран с дороги.

Оставался еще один свидетель, которому незачем долее коптить небо. Если под Грумента начинают копать его враги, которые до поры до времени желают оставаться неизвестными, то следует «почистить» за собой. И в сумерках Грумент нанес визит одному убогому старцу, который обитал на окраине Тарантии, рядом с городскими склепами, где богачи хоронили своих умерших.

Глинобитная хижина лепилась прямо к стене кладбища, и в неярком вечернем свете ее нелегко было заметить. Она как будто выросла из стены, точно прыщ на лице. Однако Грумент уже не раз бывал здесь и знал, где вход. Он не утруждал себя и стучать не стал, а просто толкнул покосившуюся дверь, откинулся в сторону рваную портьеру и оказался в крошечной комнатке, еле-еле освещенной тусклым огоньком масляной лампы.

Грумент никогда не понимал таких людей, каким был старик Далза. Тот занимался весьма выгодным ремеслом — тайно практиковал магическое искусство. Кто только не прибегал к помощи Далзы за те долгие годы, что алчный старик коптил небо Тарантии! В былье времена, возможно, его услуги и стоили не слишком дорого, но затем он набрался опыта и научился делать вещи, которые другим были не под силу. А после того, как к власти в Аквилонии пришел король Конан и магия вообще оказалась под строжайшим запретом, Далза начал брать дополнительную плату за секретность, и доходы его возросли невероятно.

К нему приходили дурнушки, измученные безнадежной страстью, и влюбленные старики. У него побывали многие замужние женщины, которые легкомысленно вели себя в отсутствии

мужей и желали избавиться от некоторых последствий таких необдуманных поступков. Его услугами пользовались и те, кому по какой-либо причине требовалось тихо, незаметно и не вызывая подозрений отправить к праотцам в Серые Земли мешающего человека...

К числу последних и принадлежал Грумент-младший. И сумма, которая перекочевала из кошелья Грумента в скорченную ладонь старика, была очень немалой. Далза давно мог жить в богатстве и роскоши, покинув Тарантию и уйдя от дел. Однако он предпочитал заниматься колдовством тайно и никуда из аквилонской столицы не уезжал. Интересно, где он держит свои деньги? Маловероятно, чтобы Далза успевал их тратить.

Старика в хижине Грумент поначалу даже не заметил, настолько тот сливался со своим жилищем. Наконец в углу комнаты ожила и зашевелилась гора грязных, засаленных тряпок, и оттуда неожиданно вынырнуло лицо. Впрочем, называть это «лицом» было бы несколько опрометчиво: грубая, изрезанная морщинами, похожая на кору дерева кожа; между широкими складками утонули крохотные темные глазки без зрачков и белков, огромный нос причудливо изогнутой формы, с глубоко вырезанными ноздрями, из которых торчит серая шерсть, и провал беззубого рта. Все это подрагивало, тряслось и шамкало.

И тем не менее «оно» являлось самым могущественным магом Тарантии и обладало определенной властью над многими знатными и богатыми горожанами.

— Явился! — лязгнул голой челюстью старик. — Зачем явился?

Голос его дребезжал.

Грумент молча смотрел на него.

— Убрайся! — завизжал Далза. — Мы с тобой в расчете! Дурак! Твой отец помер, как мы и договаривались! У Корацезии нашли все, что должны были найти! Они ничего не поймут! Твой король — такой же дурак, как и ты! Он ничего не поймет!

Грумент, все также безмолвно, сделал шаг вперед и поднял руки.

* * *

Судья Геторикс, не вполне здоровый, был весьма раздражителем и разговаривал со стражником, который топтался на пороге его дома, довольно нелюбезно.

— Ты видишь, я болен? — сипел он, кутаясь в плед. — Ты заметил что у меня болит горло?

Стражник, который никак этого заметить не мог, моргал и удивился.

— Я ведь не лекарь, господин судья, — произнес он наконец и, почувствовав себя совершенным идиотом, замолчал.

— Зачем ты пришел? — рявкнул Геторикс и отчаянно закашлялся. — Ну, что ты молчишь?

— Так ведь господин судья болен... Просто тут ведь убийство... Ну, придушили старичка... — пробормотал стражник, — Может, ничего интересного.

— Богатый старичок? Знатный? Или нищий пьяница утонул в канаве? — сердито наседал на стражника Геторикс. — Говори толком! Если я узнаю, что ты побеспокоил меня напрасно, я тебя... не знаю, что я с тобой сделаю!

Стражник поглядел па судью сочувственно. Несмотря на то, что Геторикс пытался выглядеть грозным и властным, как и подобает настоящему судье, он был человеком довольно кротким и добросердечным. Больше всего он боялся нарушить закон и погрешить против справедливости. Он боялся богов, опасался короля и желал бы прожить свою жизнь честно, не совершая ошибок. Кроме того, ходили слухи, что Геторикс до сих пор находится в полном

подчинении у своей властной матушки-вдовы.

Наконец стражник сказал:

— Если господин судья соизволит, мы могли бы пройти вместе к тому месту. Господин судья сам решит, стоящее дело или нет.

Геторикс фыркнул, закутался плотнее в плед и, как был, в домашней обуви, отправился со стражником к месту преступления.

По дороге оба молчали. Геторикс думал о судьбе женщины по имени Корацезия. Конан до сих пор не отдал никаких распоряжений на ее счет. Она просто жила в тюремной камере. На допросы ее больше не вызывали, несколько раз ее посещал врач. Геторикс на всякий случай велел кормить ее получше и несколько раз присыпал ей фрукты со своего стола.

Скорей бы уж закончилось это дело. Конан что-то задумал, но своими соображениями и планами, естественно, ни с кем не делится.

— Это здесь, — заговорил стражник. Он подал голос так внезапно, что Геторикс даже подскочил. Он слишком глубоко ушел в свои мысли.

— Где? — сипло спросил судья и опять закашлялся.

— Да вот, — стражник махнул рукой, указывая на стену кладбища и маленькую хижину возле нее. — Труп там, внутри. Очень интересно.

— Необычайно интересно! — язвительно согласился Геторикс. — Убили нищего? Какая редкость! Он был пьян?

— Он был очень стар, — сказал стражник.

Морщась и зажимая насморочный нос, Геторикс вошел вслед за стражником в хижину. Там было темно.

— Здесь ничего не видно, — недовольно поморщился Геторикс. — Одни только запахи, а я не собака-ищейка, чтобы делать выводы на основании... э... ароматов.

— Давайте, мы с вами разломаем дверь, господин судья! — предложил стражник. — Я уж думал над этим.

Геторикс иронически поднял брови. Он и сам не понимал, почему его раздражает этот стражник, неглупый и инициативный. Вероятно, потому, что является сегодня полной противоположностью своему начальству, отупевшему от простуды и ленивому.

— Развали уж сразу стену, — сказал Геторикс. — Я подожду снаружи.

Он вышел и остановился у стены кладбища, с наслаждением вдыхая свежий воздух. Хижина тряслась, как живая, там ворочался стражник. Он сдернул дверь с петель, сорвал занавес, а потом, пользуясь, как тараном, обломком двери (которая тотчас развалилась в его руках на три части), вышиб кусок глиняной стены.

Из пролома показалась его голова.

— Господин судья! — позвал стражник. — Можно обратно заходить! Теперь тут светло.

Геторикс вздохнул и вернулся в хижину.

На полу лежал труп старика. Более безобразного, отвратительного и гадкого старики Геторикс в жизни своей не видывал. Даже бывалый стражник — и тот присвистнул.

— Ну и гадина! — вырвалось у него. Впрочем, он тотчас покосился на начальство и прикусил язык.

Но Геторикс был склонен согласиться с ним.

— Иные говорят, будто но внешности нельзя сулить о человеке, но мне кажется, к данному случаю это высказывание не имеет отношения.

— После смерти, господин судья, все, так сказать, у человека наружу. Потому как он прикидывается перестает, — философским тоном рассудил стражник. — Вот, к примеру, живет гадина какая-нибудь, а на лицо очень даже любезно держится. И живет она, живет... А потом,

как помирает, — тут вся ее сущность на физиономии и намалевана. Гляди и соображай. Вот так я думаю.

— Вероятно, ты прав, — задумчиво молвил Геторикс, наклоняясь над стариком.

Тот был задушен. Лицо его, и без того жуткое, посинело, толстый язык был вывален изо рта и прикушен голыми деснами, глаза выпучились.

— Но самое любопытное не это, — продолжал стражник. — Это что, просто труп. А вот тут разные документы...

— Где? — судья резко повернулся.

— А везде, — ответствовал стражник. — Я почему вас позвал, господин судья. Старикан, вроде, из простых, из кладбищенских побирушек, но вот ни у кого из нищих, вы уж меня простите, не будет столько исписанного пергамента. И прочего. Он был из ученых. Или ростовщик. Я ведь не разберу, что там написано.

Судья поднял несколько «бумаг» — обрывков пергамента, кусков коры, тряпок и даже оструганных щепочек. Везде одно и то же — имена довольно известных в Тарантии людей и суммы.

— Что это? — проговорил он. — Долговые расписки?

— А здесь! — крикнул стражник, отбрасывая ногой в сторону груду полуистлевших тряпок и открывая яму, выкопанную прямо в полу. — Тут у него тайник был!

— Вероятно, там он хранил деньги. Денег, естественно, нет — их забрал убийца. А вот документы... Почему он оставил документы? Ведь этими долговыми расписками он мог шантажировать по крайней мере три почтенные фамилии... Нет, четыре... пять! — Судья быстро перебрал расписки. — Пять... да, пять. Здесь имена повторяются.

— Он их не заметил, — сказал стражник. — Про деньги он знал, а про расписки — нет. Да и выглядят они... — Он поморщился. — Я бы ни в жизнь не догадался.

— Нет, дружочек, ты-то как раз и догадался, — поправил его Геторикс. — Не надо скромничать. Ты ведь поэтому меня позвал, не так ли?

— Ну... — стражник опустил голову.

— Да, ты прав, ты прав. Тут было темно, убийца задушил старика, забрал деньги... и ушел... Возможно, он — один из этих пятерых... Нет ли здесь имени Грумента, а? Нет, вроде бы нет... Но все равно — крайне любопытно.

Он еще раз посмотрел на то, что держал в руках, а потом улыбнулся.

— Очень, очень интересно. Думаю, стоит доложить об этом королю.

* * *

Его величество находился в покоях, отведенных маленькой Цезонии. Девочка привыкла к мощной фигуре короля и перестала его бояться уже давно. Он не приносил ей сладостей или игрушек, но инстинктивно она чувствовала, что этот страшный, гигантский человечище относится к ней с любовью. Не то чтобы король, достигнув зрелого возраста, начал любить детей. Он вообще не разделял людей на детей, взрослых и стариков. Он разделял людей на тех, кто ему нравится, и тех, кто ему активно не правится. Первых он защищал и по-своему баловал, вторых истреблял без всякой пощады. В случаях, подобных делу Корацезии, Конан медлил, решая, к какой категории отнести данного человека.

А вот Цезония нравилась ему безоговорочно. Девочка рассказывала своим куклам

бесконечные истории, катала их на деревянных лошадках, угощала сладостями, а потом заботливо вытирала подолом своего платьица их измазанные рожицы. Конан попивал вино из кубка и поглядывал на эти игры.

Что еще было хорошо в Цезонии — она не приставала к другим людям с требованием рассказать ей историю или покатать на спине, как это делают некоторые невоспитанные дети. И о маме она тоже не заговаривала. Ждала, пока все решится.

Когда возле дверей покоев возник шум, Конан приподнялся на кресле и крикнул громовым голосом:

— Тихо! Мы тут отдыхаем!

— Это я, ваше величество, — проговорил Геторикс, всовывая на миг голову и тотчас исчезая. Стражник, получивший от короля четкие указания не пускать никого, даже Крома во плоти, утащил судью подальше от входа.

Конан поднялся и, тяжело ступая, направился в коридор. По дороге он осторожно перешагнул через девочку и тут же чуть не споткнулся о ее мячик. Король фыркнул, как рассерженный конь. Цезония весело помахала ему рукой.

— Что случилось? — осведомился Конан у Геторикса. Тот долго чихал и откашивался, прежде чем заговорить.

— Простите, ваше величество.

— Ну, говори, говори!

— Ваше величество, мы обнаружили убитого кладбищенского нищего.

— Крайне важное сообщение. Надеюсь, государство не пошатнется от этой потери, — сказал Конан.

— Он был задушен, ваше величество. В его хижине обнаружена пустая яма.

— О! — воскликнул Конан, закатывая глаза. — Пустая яма?

— Да, ваше величество, пустая, — не сдавался Геторикс. — Мы предполагаем, что в ней он хранил свои сокровища.

— Кто это — «мы»?

— Один из городских стражей и я.

— А она не была, случайно, отхожим местом?

— Нет, ваше величество. Будь это так, мы установили бы это по запаху, — сказал Геторикс и покраснел. Он вдруг понял, что король насмехается. — Простите, ваше величество! Я не вполне здоров и тую соображаю.

— Ладно, — сжался Конан. — Рассказывай, как можешь.

— Самое интересное — долговые расписки. Я забрал их.

— У нищего в хижине были долговые расписки?

— Именно. — И Геторикс вручил королю то, что забрал а доме Далзы. Молодой судья с удовольствием наблюдал за тем, как изменяется выражение лица Конана. Наконец король кивнул:

— Поразительно! А теперь, Геторикс, идем ко мне. Я велю Натизону принести тебе какое-нибудь снадобье от боли в горле и от насморка. Надеюсь, он тебя не отравит. А потом, в тишине и покое, рассмотрим эти документы. Я хочу, чтобы ты прочитал их мне. Стоит обсудить, кто в Тарантии и почему задолжал какому-то кладбищенскому нищему. Так ты говоришь, речь идет о немальных суммах?

События в Тарантии опережали короля, и Конану это не нравилось. Следующая же ночь принесла очередную неожиданность.

Некий пьянчужка, возвращаясь домой и проходя мимо кладбища, увидел странную картину. Настолько странную, что поначалу не поверил своим глазам.

Опыт общения с явлениями «потустороннего мира», вызванными исключительно винными парами, у него имелся — и немалый. Приходили к нему и демоны из преисподней, и обнаженные красавицы, которые на глазах стремительно старели и превращались в рассыпающийся скелет...

И тем не менее он всегда в глубине души знал, чем вызваны сии видения, и никогда не пугался.

Разве что самую малость. Клыки там окровавленные или когти, тянувшиеся к его горлу...

Но то, что он увидел той ночью, потрясло его видавшее виды воображение.

Солидный господин в хорошей одежде... Точнее, эта одежда некогда была хорошей, а теперь пообносилась и выглядела так, словно ее владелец несколько ночей провел в мусорном баке... Так вот, этот господин перелезал через кладбищенскую ограду.

Спрашивается: что делает упитанный, хорошо одетый (хоть и чумазый) человек ночью на кладбище? Обворовывает могилы? Сомнительно.

Пьянчужка ни жив ни мертв прижался к стене, стараясь скрыться в тени. В лунном свете мелькнуло лицо странного человека, и тут уж бедняге соглядатаю пришлось прикусить язык, чтобы не вскрикнуть от ужаса: он узнал этого ночного гуляку. То был владелец таверны «Колесо и мышь», с которым у пьянчужки случались разнообразные столкновения. Но не это устрашило его. А то прискорбное обстоятельство, что сей владелец таверны был мертв не менее месяца и мирно покоился в своей могиле. В наследство вступил его племянник (который, к слову сказать, и на порог теперь не пускает некоторых подозрительных типов).

— Ой-ой, — прошептал пьянчужка, не сводя побелевших глаз с мертвеца, который шатающейся походкой удалялся по улице, направляясь в центр города. — Ой, что это делается...

Он задохнулся и приложил ко рту ладони.

Потому что над оградой показалась вторая голова. Лицо выглядело ужасно — белое, с отвисшими щеками и провалившимся ртом.

Этот, хоть и был пьянчужке незнаком, тоже был мертв. И пролежал он в земле несколько дольше, чем первый.

После второй или третьей попытки покойнику удалось забросить ногу на ограду. Он подтянулся на руках, потерял палец (на что не обратил внимания) и неловко свалился на землю по другую сторону кладбища. Он находился в каких-то двадцати шагах от потрясенного наблюдателя. До пьянчужки доносились запахи раскопанной земли и разложения. Его едва не вырвало — одни боги знают, как ему удалось удержаться и не завопить от страха и отвращения. А кошмар продолжался. Второй покойник вел себя точно так же, как и первый, — он осторожно побрел по улице.

Не желая больше находиться рядом с этим жутким местом, пьяница полетел по переулкам и мчался до тех пор, пока не оказался на площади, где стоял королевский дворец.

Конечно, дворец — не место для загулявших пьяниц. Это он кое-как понимал — краем воспаленного, истерзанного ужасом сознания. Но идти к себе домой он боялся. Мертвецы могут быть везде. Здесь хотя бы стоит стражба.

В любое другое время наш пьянчужка избегал бы общества стражников. Потому что он не только любил употреблять горячительные напитки, но и прикладывал время от времени некоторые не вполне законные усилия к тому, чтобы их раздобыть. Говоря проще, подворовывал

на рынке.

Но сейчас стражники показались ему милее родных братьев. Аквилонские гвардейцы, обычно невозмутимые верзилы, которых трудно смутить, — и те вздрогнули и отпрянули, когда из темноты, завывая и захлебываясь слезами, к ним выскочил оборванный человечек и бросился перед ними на колени. Он простирая к ним чумазые руки, весь трясясь и бормотал бессвязное.

— Уйди ты, — презрительно выговорил наконец один из стражников. — Что ты здесь делаешь? Иди, проспись. Здесь тебе не кабак. Ты хоть знаешь, куда прибежал?

— Спасите, — лепетал пьяница. — Они везде...

— Кто? — полюбопытствовал второй стражник, наклоняясь к ползающему по мостовой пьянице и качнув при этом алебардой. — Кого ты увидел?

— Мертвецы...

— Пьяный бред, — сказал один стражник другому.

— Нет, клянусь! Клянусь богами! Почтенные стражники! — взвыл несчастный, видя, что его сейчас прогонят. — Не оставляйте меня одного! Здесь страшно! В Тарантию пришла порча!

Он так умолял, так пресмыкался и плакал, что стражники в конце концов позволили ему провести ночь рядом с ними, поставив единственным условием: замолчать и не двигаться.

А утром стало ясно, что все эти ужасы бедолаге не привиделись. Несколько человек в Тарантии были найдены мертвыми — задушенными, с проломленной головой, зарезанными в собственном доме.

Конан был мрачнее тучи, когда судья докладывал ему о происшествиях в столице.

— Соображения? — спросил наконец киммериец.

Судья молча развел руками.

— Ладно. Кто из погибших числился в расписках, которые ты нашел в хижине кладбищенского нищего?

Таковых оказалось двое. Однако остальные тоже каким-то боком — Конан чуял это! — имели отношение к задушенному старику.

Судья Геторикс наконец решился и высказал свое мнение:

— Ваше величество, между этими людьми есть нечто общее.

Конан взвел левую бровь, показывая, что внимательнейшим образом слушает.

— Все они унаследовали некоторое состояние от своих родителей или дядьев.

— Это довольно распространенное явление, — сухо заметил король.

— Все они вступили в наследство недавно, — упорно продолжал Геторикс. — Самое раннее — два месяца назад. После скоропостижной кончины богатых родственников.

— А это уже интереснее, — сказал король. — И знаешь, что я думаю?

— Вероятно, то же, что и я, — отважился Геторикс.

Король откинулся на спинку кресла и удовлетворенно улыбнулся.

— Говори.

— Я думаю, что все эти мертвецы были изведены колдовством. Что наследники побывали у известного нам кладбищенского нищего и заплатили ему, чтобы тот провел ритуалы черной магии. Что некоторые из них расплатились с колдуном деньгами или драгоценностями, а другие остались долговые расписки. И что после смерти черного мага сила его чар ослабла, и мертвецы начали выходить из могил, чтобы отомстить тем, кто стал причиной их смерти.

— Молодец! — рявкнул Конан. — Я вижу, что не ошибся, назначив тебя на должность судьи. Отлично, друг мой. Превосходно. Теперь осталось выяснить, где же украденные у кладбищенского нищего драгоценности. Что ты думаешь об этом?

— Я думаю, что один из клиентов колдуна — господин Грумент. Он вызвал гнев черного мага и послужил причиной появления в городе оживших мертвецов. И драгоценности у него.

— Именно. Когда мы их обнаружим, виновник кошмара станет известен всей Тарантии. — Конан вдруг зевнул. Он плохо спал все это время. — И мы сможем его с чистой совестью... ах... — Зевая, король едва не вывихнул челюсти, — ...четвертовать.

— Есть свидетель, — сказал вдруг Геторикс.

— Какой свидетель? — насторожился Конан.

— Один пьянчужка. Он первым увидел, как мертвецы выбираются из могил. Он был так напуган, что побежал ко дворцу и умолил стражников оставив его ночевать в казарме.

— Он до сих пор там? — заинтересовался король.

— Да, ваше величество. Наотрез отказывается выходить. Когда его пытались вытащить, вцепился в огромный дубовый стол, за которым обычно трапезничает целый отряд, и держался так крепко, что оторвать его не удалось. Сдвинулся стол.

— Поразительно! Я хочу видеть этого отважного пьяничу — заявил король.

И Конан вместе с Геториксом немедленно отправился в казарму. Картина происходящего была Конану, в общем, ясна, но его забавляли некоторые люди. Было время он нередко проводил с ними много времени и хорошо знал: те, кто выглядят ничтожными и ни на что не годными, иногда оказываются способны на настоящие подвиги. Или — вынужден был напомнить себе король — на настоящие подлости. Такое тоже случается.

Бедный пьянчужка забился в угол казармы и глядел по сторонам ошелевшими выпученными глазами. У него болела голова, но никто из бессердечных стражников не догадался дать ему вина. Он был также голоден, но об этом даже не заикался. Умереть от голода и жажды представлялось ему лучшей участью, нежели погибнуть от лап живого мертвеца.

Конан вошел в казарму и с любопытством посмотрел на «свидетеля».

— Эй, ты, — позвал король. — Иди-ка сюда.

— Я? — ужаснулся чему-то пьянчужка.

— Ну да, ты. Как тебя зовут? Пьянчужка задумался.

— Ну... Тибур.

— Тибур? Не тот ли Тибур, которого в прошлом месяце публично высекли на рыночной площади за кражи?

— Нет, нет. Совсем другой. Тот Тибур мне даже не родственник, — быстро сказал пьяница.

— Вина мне и Тибуру! — крикнул Конан громовым голосом.

Один из стражников немедленно подскочил к королю с кувшином. Конан уселся за стол, который действительно был немного сдвинут с места, и поманил Тибура пальцем.

— Иди, иди. Ты ведь хочешь выпить?

— Больше всего на свете, — искренне сказал Тибур.

— Садись и пей. Расскажи мне обо всем, что ты видел.

— Ладно, господин. Все расскажу без утайки... — Тибур выбрался из своего угла, приблизился к Конану и вдруг затрясся всем телом. — Вы ведь... вы ведь король? Конан? Ваше вели...

Он повалился на пол лицом вниз. Конан легонько подтолкнул его ногой.

— Да, я король, а ты сейчас сядешь рядом, выпьешь со мной вина и обо всем расскажешь. А потом, если я решу, что ты достоин награды, я дам тебе пару монет.

— Выпить с королем — вот награда... — пробормотал Тибур. Он осторожно поднял голову, увидел, что король насмешливо улыбается, сразу осмелел и уселся на краешек скамьи.

...И до конца дней своих потом рассказывал по тавернам, как пил с самим Конаном-киммерийцем, королем Аквилонии. Ему, естественно, не верили, но охотно угощали выпивкой — лишь бы послушать страшную историю о живых мертвецах и королевской награде — двух золотых монетах, которые Тибур носил на веревочке на шее.

Однако не следует так далеко забегать вперед. Отпустив Тибура, пьяного от счастья, Конан вернулся во дворец. Его уже ждала небольшая делегация из двух десятков почтенных граждан, как доложил его величеству дежурный капитан стражи.

— Пустить, — махнул рукой король. — Чем скорее я узнаю все новости, тем лучше. И распорядись, чтобы мне подали завтрак в зал для приемов.

Таким образом, когда делегация была допущена к королю, его величество сидел на троне, держа на коленях большое блюдо с мясом и хлебными лепешками, и ел.

— Говорите, — обратился к вошедшим король, жуя. — Не обращайте внимания.

— Но ваше величество... — попытился один из делегатов, важного вида мужчина в черной бархатной одежде. — Мы не смеем мешать...

— Я же сказал — говорите! — рявкнул король с набитым ртом. — Мне некогда. Я не могу позволить себе сперва позавтракать, а потом выслушать новости. Слишком быстро все происходит.

— Ваше величество прав, — произнес другой посетитель, худощавый человек лет тридцати, в красном атласе и золотой цепью на шее. — Мы напуганы. Мы, уважаемые жители Тарантии, боимся живых мертвецов. До вчерашней ночи мы полагали, что, законно вступив в права наследования, мы находимся в полной безопасности. Но случившееся...

Конан впился зубами в кусок мяса.

— Кстати, — сказал его величество спустя несколько секунд, — а все ли из вас законно вступили в права наследования? Может, кто-нибудь прибил своего дядю или папашу?

Грубый тон короля смутил многих. Но по-настоящему обозлились только двое, и Конан тотчас взял их на заметку.

— Нет, ваше величество, — от лица всех присутствующих важно проговорил господин в черном бархате. — Ничего подобного у нас и в мыслях не было. Мы все — добропорядочные, законопослушные...

Конан махнул ему рукой, чтобы замолчал, и обрызгал жиром бархатные одежды собеседника.

— Понятно, понятно, — произнес король. — Можете не продолжать. Что вам угодно от меня?

Заговорил третий посетитель — совсем молодой человек, бледный, востроносый, с темными кругами под глазами.

— Мы все полагаем, что мертвецы оживают, потому что некто осквернил их своим черным колдовством.

— Согласен, — сказал король.

— Ваше величество повелел арестовать некую ведьму Коратезию, — продолжал востроносый. — Она совершенно справедливо содержится под стражей. Наши мертвые требуют возмездия. И возмездие возможно лишь одно: виновница их гибели должна быть уничтожена!

— Так вы признаете, что обращались к колдуна с просьбой извести ваших богатых родственников? — язвительно спросил король.

Востроносый отшатнулся, а остальные за его спиной принялись возмущенно перешептываться.

— Ваше величество не понял, — вмешался тот, что в черном бархате. — Мы вовсе не виновны в этом преступлении. Но ожившие мертвецы угрожают всему городу. И в их появлении мы обвиняем Корацеziю. Мы требуем ее смерти!

— А, — сказал король и принял ковырять в зубах. — Теперь понятно. Ступайте, господа! Я приму все меры к тому, чтобы ожившие мертвецы снова стали спокойными мертвецами и заснули вечным сном в глубоких могилах.

И властным жестом он показал, что аудиенция окончена.

* * *

Некий человек по имени Гавий не стал тратить времени и ходить к королю с прошениями. Едва прослышиав о том, что случилось в столице этой ночью, он мгновенно сделал определенные выводы и принял решение. Он собрал в мешок некоторое количество золотых монет и драгоценных камней, в другой уложил припасы, позвал слугу и велел подготовить двух лошадей и выручного мула.

— Мы уезжаем из Тарантии, — объявил Гавий. — Ты будешь меня сопровождать.

— Могу я спросить господина, куда мы направляемся? — осторожно осведомился слуга. Он кое-что знал о своем хозяине и имел определенные подозрения на его счет.

— Пока что переправимся за реку Хорот, — нервно ответил Гавий. — Кто знает, может быть, они не могут преодолевать водные преграды...

— Кто «они»? — спросил слуга и тут же схлопотал пощечину.

— Не твое дело! Я же сказал — подготовь двух лошадей и мула. Навьючь на мула вот эти мешки. Встречаемся во дворе. Думаю, за неделю добраться до Танасула. — Последнюю фразу он пробормотал под нос, явно разговаривая сам с собой. Слуга плонул и, потирая щеку, на которой отпечаталась красная хозяйская пятерня, отправился в конюшню.

Вскоре они уже мчались, сломя голову, к переправе через реку чуть севернее столицы. Слуга был почти уверен, что дело именно в том странном ночном происшествии. Служанки на базаре (которые всегда и все знают в самых подробных деталях) говорят — мертвецы убивают тех, кто извел их порчей. А старший сводный брат господина Гавия скончался не так давно — и от очень странной болезни. Самым странным в этой хвори была ее внезапность. Старший Гавий был здоров, как бык, и вдруг начал чахнуть на глазах. Он увядал и таял, как девица, которая томится по возлюбленном. И в конце концов умер. Вот так история! И тотчас объявился Гавий-младший и заявил о наследстве.

Прошлое — такая неприятная штука! Особено если оно подозрительное. И особенно — если оно упорно не желает оставаться в прошлом и все время лезет в настоящее, вмешиваясь в ход событий.

Утро не предвещало никаких бед. Солнце вот-вот показалось из-за горизонта. На траве искрилась роса, река медленно несла свои воды на свидание к притокам — Тайбору и Красной, чтобы потом, объединившись, влиться в бескрайнее море возле Мессантии. То и дело по водной глади расходились круги — там плескала рыба.

Переправа была уже видна вдали — паром, устроенный здесь в незапамятные времена. Паромщик, конечно, еще спит — в такое время суток желающих переправиться за реку найдется немного. Но ничего, его разбудят. А золотая монета подбодрит его и заставит хорошенъко потрудиться. Так размышлял Гавий, глядываясь вперед. Слуга угрюмо тащился за ним. Если

ожившие мертвецы не успокоятся, пока не прикончат всех, кто свел их в могилу, то ему, Деку, который много лет служит семейству Гавиев, лучше бы держаться подальше от молодого наследника. Как бы не оказалось, что служанки на рынке вышли кругом правы. Эти болтушки — они ведь не только болтать умеют, но и слушать. Ох, много всякого разного доходит до их ушей!

Дек поскреб затылок, размышляя о происходящем. Конечно, лучше всего было бы сейчас дать деру. По у хозяина лошадь лучше — догонит, и тогда... не стоит даже задумываться над тем, что «тогда». Рука у молодого Гавия тяжелая. И Дек опять потер щеку.

Перевозчик, как ни странно, не спал. Сидел себе на берегу и как будто поджидал пассажиров. Это насторожило Дека, но обрадовало Гавия.

— Смотри! — он подтолкнул слугу в бок. — Кажется, мы оторвались от погони. Если тот, о ком я думаю, и преследует нас, мы будем на противоположном берегу реки прежде, чем он доберется до переправы. Очень хорошо! А я обрублю канат, и паром выйдет из строя до вечера... К вечеру мы будем далеко отсюда.

Дек угрюмо поглядел на хозяина, но промолчал. Ему не хотелось поддерживать разговор.

Тем временем паромщик медленно поднялся и не спеша заковылял навстречу Гавию и его слуге. Он шел вразвалку, как будто ему трудно было волочить по земле ноги. Эта походка заставила Дека насторожиться. Что-то показалось ему подозрительным. Он не мог сказать — что именно. Просто... нехорошо как-то.

Не могли высказать своего мнения и бессловесные твари — лошади и мул, но их поведение говорило само за себя, таким выразительным оно было. Мул, всегда такой смиренный и покладистый, вдруг бешено раздул ноздри, заржал и поднялся на дыбы, а потом повернулся и что есть духу галопом припустил прочь от переправы. Не лучше вели себя и верховые лошади. Как ни пытались управлять ими всадники, они бесились, брыкались и в конце концов сбросили на землю седоков, после чего побежали вслед за мулом.

Гавий, сидя на земле и потирая ушибленную спину, глядел, как удирают его животные. Вместе с мулом от него стремительно удалялись немалые сокровища и припасы, столь необходимые в дороге. Однако страх смерти пересилил алчность. Мертвому богатства не нужны, это всякий знает. Ко гробу, как говорится, не приделаешь карман. И Гавий с трудом поднялся на ноги. Теперь и он ковылял не хуже перевозчика. А тот был уже довольно близко.

Дек поскорее отполз в кусты. Самое время бежать! Хозяин слишком занят своей ушибленной персоной — сейчас он вовсе позабыл о слуге. Но скоро Гавий вспомнит о нем. Вспомнит — да будет поздно! Нет уж. Старый Дек не такой болван, каким кажется. Всю жизнь он проработал у Гавиев, изучил их вдоль и поперек. Одни Гавии ему нравились, другие — вовсе не правились, а этот, последний, — и дурак, и подлец, ничтожная дрянь, одним словом. Старый Дек потихоньку покинет его и вернется в Тарантию, в обжитой дом в центре столицы. И будет жить там, сторожить дом и хозяйское имущество, пока не объявится какой-нибудь дальний родственник.

Потому что с теперешним Гавием — и Дек видел это слишком ясно — покончено.

Паромщик приблизился к Гавию вплотную — рыхлая, воняющая землей туша. Почекневший рот раскрылся, пахнуло гнилью.

— Ну что, сводный братец? — низким, рокочущим голосом произнес «паромщик». — Вот мы с тобой и встретились!

Дикие вопли Гавия долго еще преследовали убегающего Дека, пока тот, не разбирая дороги, несся вдоль реки, обратно в Тарантию.

Грумент, проснувшись в своем особняке, обнаружил — к собственному возмущению — что в доме нет ни одного слуги. Все разбежались кто куда. Поначалу он приписал это какому-то мятежу, который, вероятно, начался в столице.

Ничего удивительно — при правлении короля-варвара!..

Однако ближе к полудню кое-какие слухи стали доходить и до Грумента, который отважился выйти на улицу и прогуляться. Никаких признаков мятежа он не обнаружил; равно никто из врагов не пытался штурмовать столицу Аквилонии. Ничего такого. И все же прохожие выглядели бледными и взволнованными, и на всех углах, на площадях, возле фонтанов собирались зеваки по двое, по троим, а то и небольшой толпой. Все они переговаривались, взволнованно размахивая руками и то и дело повышая голос, чтобы вскрикнуть: «Не может быть!», «Какой ужас!» или «Поделом вору и мука».

На одном углу Грумент вдруг заметил своего камердинера и устремился к нему. Однако камердинер при виде хозяина побелел, как стена, возле которой он околачивался, подскочил на месте — точно узрел призрака — и бросился бежать со всех ног.

Толпа сомкнулась, не пропуская Грумента и позволив нерадивому слуге скрыться.

— Что происходит? — выкрикнул Грумент, с ненавистью разглядывая глупые плебейские рожи, которые пялились на него со страхом и отвращением. — В чем дело? Куда все разбегаются? В городе чума?

— Хуже, господин, — промямлил один из простолюдинов, которого Грумент ухватил за горло и тискал, не на шутку угрожая придушить. — Ожившие мертвецы! Нападают на богачей! —

Грумент отпустил зеваку и широкими шагами удалился. Он возвращался домой. Тарантая охвачена паникой. И Грумент лучше, чем кто бы то ни было, догадывался о причинах этой паники. А это означало...

Это означало, что проклятый король-варвар либо уже все знает, либо скоро пронюхает правду и явится прямиком к Грументу. Копан ненавидел магию и не делал из этого тайны. И Грументу лучше поостеречься. Покинуть столицу так, чтобы об этом никто не знал, ему уже не удастся — за его домом наверняка следят. И то неслыханное, о чем шепчутся на улицах, то, что восстало из могил, взывая к отмщению и справедливости, тоже стережет Грумента. Оно может оказаться где угодно. Самым безопасным местом является особняк.

Грумент забаррикадировал двери, закрыл окна ставнями, обложился оружием и стал ждать.

Времени прошло совсем немного, когда в дверь постучали. Грумент усмехнулся, но даже не пошевелился. Если им так нужно войти, пусть ломают дверь. Это займет у них немало времени. А к тому моменту, когда стражники будут здесь, они изрядно подустанут, и справиться с ними не составит большого труда.

— Откройте именем короля! — прокричал чей-то громовой голос.

Очень хорошо. Пусть трудятся. Им за это жалованье выплачивают. Грумент фыркнул и провел пальцем по острию своего меча. Отец недурно обучил его фехтованию. Нанимал для отпрыска лучших учителей. Вообще, надо признать, заботливый был папаша. Только вот зажился на свете, так что пришлось его поторопить. Единственный его недостаток.

Внизу что-то рухнуло. Грохот раскатился по дому. Грумент вскочил. Как быстро! Сколько же там народу? Они, похоже, решили штурмовать дом, словно вражескую крепость! Уж не таран ли они с собой прихватили?

Но все оказалось гораздо хуже. Нет, тарана с городскими стражниками не было. Зато с ними

был сам король Конан, собственной персоной. В сером плаще с капюшоном, с обнаженным мечом в руке, киммериец ворвался в комнату, где отсиживался Грумент.

Тот вдруг узнал соглядатая, который шпионил за его домом. Так вот кто был тот неведомый человек! Так вот почему наемные убийцы так и не явились за своей платой! Ничего удивительного — король Конан мог передушить их одной рукой, как слепых кутят.

И теперь этот страшный человек, этот варвар на королевском троне, стоял перед Грументом и весело улыбался — как будто они встретились за кружкой доброго темного эля где-нибудь в придорожной таверне. Старые друзья-приятели.

— Я предлагаю тебе положить оружие и сдаться, — сказал Конан. — Расскажешь обо всех своих преступлениях, и я позабочусь о том, чтобы твое упитанное тельце не досталось на завтрак мертввецам.

— Я не совершил никаких преступлений! — выкрикнул Грумент в отчаянии и поднял меч.

— Почему-то я сильно сомневаюсь, — ответил Конан. — Но если ты хочешь — сразимся. Надеюсь, ты умеешь владеть этой железкой, в которую ты вцепился, точно в материнскую сиську?

Зарычав, Грумент кинулся на короля. Стражники, которые поднялись в комнату вслед за его величеством, столпились у входа. Никому из них не приходило в голову вмешаться в поединок. Они уже знали, что король Конан терпеть такого не мог. После боя виновник отправится под арест, а то и вовсе вынужден будет покинуть Тарантию и королевскую службу. Поэтому они просто наблюдали, время от времени разражаясь воплями и издевательским хохотом.

Грумент огромными прыжками скакал комнате, то и дело налетая на громоздкую мебель. Конан, точно дикая кошка, скользил за ним. И непрерывно улыбался. В полутемной комнате с закрытыми ставнями то и дело мелькала белозубая улыбка варвара ослепительная на загорелом обветренном лице.

Затем последовал выпад. Один-единственный. Меч вылетел из руки Грумента и с низким звоном вонзился в деревянные ставни. Грумент метнулся к своему оружию, по Конан, совершив мгновенный, неуловимый для глаза прыжок, оказался у него на пути. Улыбаясь, король покачал головой.

— Даже не думай об этом, вонючка. Ты арестован. Моим именем ты будешь препровожден к месту казни... Берите его, ребята! — обратился он к стражникам, и они, как спущенные с привязи цепные псы, кинулись на осужденного.

Пока крепкие солдатские руки вязали преступника, король Конан стоял над ним, широки расставив ноги, и перечислял назидательным тоном — как будто делал внушение напроказившему ребенку:

— Ты, дорогой мой, обвиняешься в клевете. Из-за тебя чуть не казнили неповинную женщину. Нехорошо! А еще аристократ и богатей. Фу, фу, фу. У бедняжки ведь есть ребенок, ты не знал? Девочка. Очаровательная малышка. Не в пример тебе, гадкий дурак. Ты обвиняешься в том, что обратился к тайному магу. Магия в Тарантии запрещена. Забыл? Ах, дурашка. Запрещена, запрещена. Ты убил родного отца. Очень дурной поступок. А потом убил и тайного мага. Это единственный хороший поступок в твоей жизни. Но вот грабить его не следовало. Следовало отнести все его денежки в мою казну, а заодно сдать туда и долговые расписки... А, ты ничего не знал о долговых расписках? Были, были такие. И все, кто в них упомянут, будут арестованы и понесут справедливое наказание. Ташите его, ребята! — Эта последняя фраза была обращена к солдатам.

И господина Грумента, связанного по рукам и ногам, вытащили из его собственного дома и с щутками, прибаутками и издевательскими песнями потащили по улицам Тарантии.

Герольд в полном официальном облачении ждал Конана внизу. Он возглавил шествие, по

дороге выкрикай:

— Смотрите, жители Тарантии! Смотрите на человека, из-за которого мертвецы вышли из могил! Смотрите и на нашего доброго короля, который схватил его и сейчас предаст справедливой казни! Смотрите! Смотрите, жители Тарантии!

И жители Тарантии выбегали из домов, останавливаясь на пороге, выглядывали из окон, они вылезали из сточных канав и выбирались из таверн, они останавливали телеги и лошадей, чтобы увидеть убийцу — сообщника колдуна. Они приветствовали Конана громкими возгласами и собирались толпами! чтобы бежать за процессией и собственными глазами увидеть, чем закончится вся эта ужасная история.

Вот уже показалась длинная стена, отгораживающая кладбище от мира живых.

Конан велел стражникам внести связанного Грумента на кладбище и там привязать к дереву; что касается любопытных, то большинство из них благоразумно устроились на степе или крышах близлежащих домов. Лишь немногие проникли вслед за королем и стражей на саму территорию кладбища, — самые отважные или самые безумные.

Грумент заговорил, прервав долгое молчание.

— Ты не сделаешь этого, проклятый варвар! — зашипел он, пытаясь плюнуть в Конана. Слюна бессильно текла у него по подбородку.

Конан смотрел па него холодными синими глазами. Ни один мускул не дрогнул на суровом лице короля.

— Я сделаю это, — после короткой паузы ответил король. — И вся Тарантия станет свидетелем твоей позорной смерти.

Он велел стражникам оставить возле осужденного факелы — на тот случай, если ждать придется до темноты, — и убираться из опасного места. То же самое он посоветовал сделать и зевакам. Королю не пришлось прибегать к помощи герольда: когда он хотел, его зычный голос легко раскатывался на большое расстояние, и горожане тогда вспоминали, что их королю доводилось командовать армиями.

— Уходите! — крикнул Конан. — Вы можете смотреть за происходящим издали! Зрелище того стоит, хотя оно опасно!

И сам, подавая пример, вышел с кладбища. Впрочем, короля вскоре увидели на крыше одного из домов. Там он устроился с большим удобством — польщеные хозяева дома, небогатые и совсем незнатные люди, принесли его величеству свой лучший матрас (из которого, когда его встряхивали, сыпались блохи) и шелковое покрывало (дабы предохранить от вышеупомянутых блох), а затем подали в глиняной кружке кислого вина и прислали дочку, девушку лет пятнадцати, прислуживать его величеству. Дочка, чумазая и хмурая, глядела на короля так, что это могло вызвать оскомину, причем пыталась одновременно с тем любезно улыбаться. Конан махнул ей рукой:

— Садись и молчи. Или уходи, если тебе не интересно, что там произойдет.

— Мне интересно, — медленно протянула девушка и уселась рядом с королем на матрасе с таким видом, будто делала ему одолжение.

Прошло совсем немного времени, и на кладбище началось шевеление. Медленно закачались кусты, потом с громким скрипом отодвинулось в сторону могильный камень... Приподнялся кусок дерна... Отовсюду протянулись полусгнившие руки с отросшими за время лежания в могиле ногтями. Показались мертвецы. Их скорбные лица с отваливающимися кусками плоти и незрячими глазами повернулись в сторону Грумента. Запавшие рты шевелились, зубы при усилии что-либо сказать выпадали изо рта. Со всех сторон они окружили осужденного, шумно принюювшись к нему.

Затем из их толпы выступил плотный мертвец в хорошо сохранившейся парчовой одежде.

Его голос звучал низко и сипло из-за того, что голосовые связки уже тронуло разложение.

— Мой сын! — произнес он медленно, прилагая все усилия к тому, чтобы четко выговаривать слова. — Я любил тебя!

Этот дрожащий голос потрясал до глубины души.

Грумент дрогнул. Веревки, удерживающие его у ствола дерева, натянулись, жилы на шее осужденного напряглись, лицо посинело от тщетного усилия освободиться.

— Нет! — завопил он. — Конан! Освободи меня! Мой король! Спаси меня!

— Убийца! — прогремел Конан с крыши. Девушка, сидевшая рядом с ним, так и подскочила на месте от неожиданности — к великому тайному удовольствию короля.

— Да, я убил его! — верещал что есть мочи Грумент. — Ну и что? Он меня тиранил! Не давал денег!

— Мой сын... — медленно повторил оживший покойник и протянул к шее Грумента страшные руки.

* * *

— Тебе нет надобности возвращаться в тот дом, — сказал Конан Корацеции, когда судья Геторикс (отчего-то смущенно краснея) представил ее королю. Корацеция, в новом красивом платье со шнурованным лифом, застыла в поклоне. Конан с удовольствием рассматривал эту женщину, зрелую, с пышными волосами и мягким взглядом круглых светлых глаз.

— Ваше величество, — пролепетала Корацеция. Она явно не знала, что сказать.

— Я с удовольствием видел бы тебя во дворце, — продолжал король. — Надеюсь, ты хорошо чистишь серебро... Да и твоя дочка, кажется, привыкла к этим покоям.

— Благодарю, — прошептала Корацеция.

— А если тебе захочется снова выйти замуж, — продолжал крроль, бросая иа Геторикса косой, лукавый взгляд, — то, полагаю, препятствий тебе никто чинить не станет. Ни злопыхатели-соседи, ни даже чья-нибудь чересчур властная матушка. Во всяком случае, ты и твой избранник всегда вправе рассчитывать на поддержку своего короля!